

Проблема старения с биологической и психологической точек зрения¹

Л. Ф. Обухова

доктор психологических наук;

О. Б. Обухова;

И. В. Шаповаленко,

кандидат психологических наук

В современной науке существуют разные подходы к изучению старости. Во многих работах анализируются процессы психологического старения и связанные с ними вопросы, касающиеся механизмов функционирования психики в пожилом возрасте; возрастных задач старости как особого периода жизни; нормативных и индивидуальных особенностей старения; личностных и интеллектуальных изменений; представлений пожилого человека о себе, его отношений с окружающими людьми и т. д. В поисках ответа на эти вопросы важно знать, какое базовое представление о старении лежит в основе того или иного подхода. От этого зависит, какие теоретические вопросы будут поставлены, по каким направлениям пойдут поиски решения многочисленных практических проблем, какие меры профилактики, предупреждения и коррекции негативных последствий в этот период жизни могут быть предложены.

Исследования в области психологии старости имеют объективно-научное значение, которое состоит в установлении взаимосвязи между биологическими и психологическими факторами развития на протяжении всего жизненного пути человека. Эти исследования должны быть ориентированы на ценностный вопрос, т. е. на преодоление представления о старости как о возрасте упадка и потерь, вскрытие потенциала развития в старости, его возможных форм и вариантов.

В биологии существует более двухсот теорий старения, но все их можно разделить на две большие группы — теории «запрограммированного» и «непрограммированного» старения.

С позиции первого подхода старение — это базовое биологическое свойство всех живых организмов; это процесс, который эволюционно задан и генетически предопределен. Любой организм функционирует в пределах времени, необходимого для достижения половой зрелости и выполнения репродуктивной функции, затем его жизнедеятельность нарушается. В пользу этой теории служат, например, данные об ограниченном числе делений клетки на протяжении жизнедеятельности («феномен Хайфлика»). При такой постановке вопроса старение — явление нормальное, универсальное и представляет собой «самоуничтожение», «самоликвидацию» организма с целью освободить дорогу новым поколениям. Биолог, но-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 03-06-0291.

белевский лауреат Питер Медовар вскрывает генетические причины старения, связывая негативные изменения в старости с проявлением неотбракованных в репродуктивный период вредных мутаций.

С позиции второго подхода старение — это результат накопления в течение жизни «ошибок и катастроф», когда случайно происходят нарушения и повреждения («непрограммированное» старение). Следовательно, причины старения связаны с воздействием неблагоприятных внешних факторов, которые и необходимо знать, чтобы предупреждать и контролировать их появление. И. И. Мечников разрабатывал теорию старения как аутоинтоксикацию организма. Один из основоположников российской геронтологии — А. А. Богомолец полагал, что главным фактором старения является нарушение гармонии физиологических процессов организма. И. В. Давыдовский считал клеточную атрофию морфологической основой возрастного изменения функционирования различных систем организма. Согласно его взглядам, для старости характерны процессы приспособительного самоограничения жизненных отправлений в условиях пониженной устойчивости структур к внешним воздействиям. Старость рассматривалась И. В. Давыдовским как возрастноспецифическая форма приспособления к среде, как «стесненная в своей природе жизнь», появление которой нельзя связать с какой-либо определенной календарной датой [2].

Геронтолог В. В. Фролькис определял старость как время сокращения приспособительных возможностей организма. Однако в предложенной им более 30 лет назад адапционно-регуляторной теории старения он не только констатировал факт снижения приспособительных возможностей организма, но и свидетельствовал о появлении новых компенсаторных возможностей организма. Именно на пути анализа фундаментальных механизмов старения В. В. Фролькису удалось доказать, что наряду с процессами старения существуют и процессы антистарения, или витаукт (от лат. вита — жизнь, ауктум — увеличивать). Процессы витаукта — это механизмы саморегуляции, которые противостоят разрушительным тенденциям и направлены на стабилизацию жизнедеятельности организма и увеличение продолжительности его жизни.

В возрастных изменениях, по мнению В. В. Фролькиса, особое значение имеют сдвиги на уровне регуляции работы генов, в которых заключен код построения белков, а также на уровне нервной и гормональной регуляции гомеостаза. Первичные механизмы старения связаны с нарушением генной регуляции. Чрезвычайно важно то, что изменение генной регуляции может привести к активации репрессированных, ранее «молчавших» генов.

Сотрудники лаборатории В. В. Фролькиса провели опыты, давшие парадоксальный результат. Вещества, блокировавшие определенную группу генов, которые, очевидно, отвечают за синтез «белков старения», приводили к довольно значительному увеличению продолжительности жизни. На основе этих исследований был сделан следующий вывод: если удастся выделить такой ген и контролировать его работу, то продолжительность жизни клетки резко возрастет. Исследователи предположили, что наряду с «белками старения», существуют «белки антистарения». Они стабилизируют мембрану клетки, защищают некоторые другие белки от разрушающего влияния, предупреждают клетку о гибели.

Проявления процесса антистарения удалось обнаружить на разных уровнях жизнедеятельности организма, причем одни механизмы направлены на создание более надежных, менее разрушаемых систем, а другие — на компенсацию, ликвидацию последствий старения [13]. Часть механизмов антистарения закреплена наследственно. В качестве примеров можно привести систему «репарации» генетического аппарата (восстановление молекулы ДНК от повреждений) и систему обезвреживания так называемых свободных радикалов, повреждающих белки, нуклеиновые кислоты, мембраны клеток.

Антистарение потому и является витауктом, что не только противодействует старению, но и приводит к новым формам функциональной организации, способствующим увеличению адаптационных возможностей организма. К наиболее важным адаптивным механиз-

мам относится активация ряда ферментов и повышение чувствительности рецепторов к гормонам при ослаблении функции некоторых желез внутренней секреции (в частности, гормонов щитовидной железы, участвующих в эмоциональном статусе человека). Последнее явление имеет довольно широкое распространение. Благодаря ему повышается чувствительность организма ко многим физиологически активным веществам, лекарственным препаратам и др.

В. В. Фролькис выдвинул гипотезу о существовании стресс-возраст-синдрома, основу которой составляет представление о стрессе, разработанное Г. Селье. Как известно, Г. Селье полагал, что без стресса невозможна нормальная жизнедеятельность организма, а полная свобода от стрессов равносильна смерти. В. В. Фролькис обратил внимание на то, что многие проявления старения сходны с изменениями, возникающими у взрослых при стрессе. К ним можно отнести изменение баланса положительных и отрицательных эмоций, неравномерное изменение возбудимости различных структур лимбической системы и гипоталамуса, изменение соотношения тонуса симпатических и парасимпатических влияний, ослабление нервного контроля и т. д. При стресс-возраст-синдроме часть воздействий имеет приспособительное значение, однако многие другие могут стать причиной повреждения и болезней. Если в молодом возрасте стрессовая ситуация мобилизует приспособительные возможности организма, то в пожилом возрасте на фоне уже имеющегося стресс-возраст-синдрома дополнительные стрессы приводят к стойкому повышению артериального давления, инфаркту, инсульту и т. п. [15].

Человеческую жизнь В. В. Фролькис разделил на три этапа, между которыми нет резких переходов:

- онтогенез — в его классическом понимании как период роста и становления репродуктивной способности;
- мезогенез — относительно стабильный период баланса процессов старения и антистарения (витаукта); продление периода мезогенеза привело бы к оптимальному изменению не только продолжительности, но и качества жизни;
- геронтогенез — период преобладания процессов старения над витауктом, период неуклонного снижения жизнеспособности, приспособительных возможностей организма.

На этой основе В. В. Фролькис предложил следующую биологическую формулу индивидуального развития организма на протяжении жизни: этагенез (от греч. этас — возраст) = онтогенез + мезогенез + геронтогенез.

Период геронтогенеза характеризуется неравномерностью процесса старения, которая находит выражение в гетеротопности (неодинаковой выраженности старения в различных органах и структурах), в гетерохронности (в различных сроках наступления старения отдельных органов и их тканей), в гетерокинетичности (неодинаковой скорости развития возрастных изменений) [13].

Другой известный геронтолог — Н. Ф. Шахматов рассматривал старение как результат возрастно-деструктивных изменений в высших отделах центральной нервной системы [18]. Он стремился показать, что, хотя старение — это закономерный процесс возрастных изменений в органах и системах, он имеет ярко выраженный индивидуальный характер. Место и время возникновения, преимущественное распространение, скорость прогрессирования данного процесса определяют не только продолжительность жизни, но и различные формы и варианты старения.

Важной особенностью психической жизни в период старения является то, что психические процессы протекают в условиях физической инволюции, более или менее резко выраженного физического снижения, упадка. Фактор физического здоровья, физической активности занимает важное место среди основных факторов, обуславливающих социальный и психический статус пожилого человека, и значение его тем выше, чем старше возраст.

Физическое неблагополучие — важная причина неудовлетворенности жизнью в старости. Частыми следствиями этого бывают оскудение чувств, очерствение, прогрессирующая утрата интереса к окружающему, изменение отношений с близкими людьми. Н. Ф. Шахматов стремился показать неразрывную связь биологической и психологической сторон старения. Он настаивал на том, что благоприятные формы психического старения характеризуются гармоничным снижением физических и психических функций (при качественной сохранности их функционирования), что сопровождается согласием с самим собой, с естественным ходом событий, в том числе с неминуемостью завершения собственной жизни.

Н. Ф. Шахматов проанализировал жизненную позицию пожилых людей, которые считали свое старение удачным, успешным, благоприятным и даже счастливым. Для нее характерна отчетливая ориентировка пожилых людей на настоящее. Такие люди не обнаруживают какой-либо проекции на прошедшее, у них также нет и устойчивых планов деятельности жизни на будущее. Сегодняшнее старческое существование принимается ими без каких-либо оговорок и без планов изменить что-то в лучшую сторону. Подобная мыслительная работа приводит к выработке новой, созерцательной, спокойной и самодостаточной жизненной позиции. Окружающая жизнь, сегодняшнее состояние здоровья, физические недуги, быт воспринимаются терпимо, такими, какие они есть. Появляются новые интересы, ранее не свойственные данному человеку. Среди них особо выделяются обращение к природе, наклонность к стихосложению, желание бескорыстно быть полезным окружающим, в первую очередь больным и слабым. Иногда в этом возрасте впервые появляется любовь к животным. Устойчивая мыслительная работа отражает стремление переосмыслить свой жизненный опыт, прошлую деятельность с позиции старого человека. Успехи в накоплении знаний, почетные должности и звания теряют прошлую привлекательность и кажутся мало значащими. Материальные ценности, приобретенные в течение жизни, также оказываются несущественными. Становление новой жизненной позиции, иных мотивационных установок и интересов согласуется с характером психофизиологических изменений в процессе старения.

С точки зрения современных антропологов и геронтологов, для характеристики темпа старения, типа его течения важно определение биологического возраста. Понятие «биологический возраст» обозначает стадию физического развития человеческого организма. На начальных этапах онтогенеза это уровень морфофункционального созревания на фоне популяционного стандарта. В периоде увядания он определяется как совокупность показателей состояния индивида по сравнению с соответствующими показателями здоровых людей того же возраста, данной эпохи, народности, географических и экономических условий (Д. Ф. Чеботарев, А. Я. Минц, 1978 [цит. по:17]). Расхождение между хронологическим и биологическим возрастами позволяет оценить интенсивность старения и функциональные возможности индивида.

Во второй половине жизни люди одного хронологического возраста особенно сильно различаются по своему биологическому возрасту. При сравнении разных возрастных групп самая высокая межиндивидуальная вариативность по показателям биологического возраста отмечается у долгожителей [17].

Поиск биологических критериев старения — одна из основных задач геронтологии. На сегодняшний день нет окончательного решения вопроса об оптимальном способе определения биологического возраста. Дискуссионным остается вопрос о том, что следует использовать: большое число не связанных между собой изменений или же отдельные, наиболее информативные показатели, такие, например, как костный возраст (состояние кистевых костей), анатомический возраст и т. п. Самый острый вопрос связан с определением моментов перехода от зрелости к старости, от ранней — к поздней старости, поскольку эти про-

цессы имеют постепенный и длительный характер при общем неуклонном непрерывно-поступательном движении [12].

В психологии, как и в биологии, критерии завершения, истощения периода зрелости и перехода к старости четко не определены. Решение этого вопроса во многом связано с дискуссией по поводу специфических жизненных задач переходного периода от зрелости к старости.

Размышления психологов о процессах, происходящих при старении, можно объединить в две большие группы. Одна группа ученых анализирует период старения на основе принципа компенсации (Н. К. Корсакова, О. Н. Молчанова и др.), другая — разрабатывает идеи о возможности выхода психики человека на качественно новый уровень развития личности (Э. Эриксон, Р. Пекк, П. Балтес и др.).

Старение в целом рассматривается как заключительная стадия развития личности, однако в частных концепциях выделяются его специфические особенности. Так, Д. Б. Бромлей, определяя развитие в старости как постразвитие, подчеркивает его компенсаторный характер по отношению к возникающим возрастным изменениям. Поскольку старение обусловлено нервно-психическими, эндокринно-обменными, психосоциальными причинами, то, по словам Н. К. Корсаковой, оно сопровождается комплексом аффективных реакций, связанных с переживанием актуальной дефицитарности. Формирование «совладающего поведения», встраивание компенсаторных механизмов и устранение факторов риска, к которым относятся соматические состояния, определяют позитивную или негативную динамику изменений в этот период. Механизм компенсации может быть вполне адекватным и обеспечивать полную адаптацию к новым условиям жизни, если он включает элементы обучения новым видам и способам деятельности, новым стратегиям поведения, направленным на преодоление дефицитарности [4].

Нельзя игнорировать сложность реализации компенсации, которая связана с нарастанием ригидности, с трудностями переключения, с сужением круга общения, характерными для человека в пожилом возрасте. При неудавшейся компенсации включаются и становятся доминирующими негативные механизмы психической жизни — уход, отчуждение и агрессия.

В исследовании О. В. Красновой показано, что одним из механизмов жизненной активности пожилого человека в современной ситуации может стать сосредоточение на интересах узкого социального пространства — собственной семьи [6]. Т. Д. Марцинковская, анализируя особенности психического развития в позднем возрасте, подчеркивает, что на смену прежним механизмам регуляции поведения, таким, как интериоризация, идентификация с окружающими и эмоциональное опосредование, приходят другие — уход в болезнь, привлечение к себе внимания с целью получения привилегии и снисхождения. Автор обращает внимание на сложное и особое сочетание механизмов психического функционирования в позднем возрасте, которое требует более глубокого, специального исследования [8].

По данным К. Рошак, перечень потребностей в пожилом возрасте во многом тот же самый, что и в предыдущие периоды жизни, однако изменяется структура, иерархия потребностей. Прослеживается выдвижение в центр потребностной сферы пожилого человека потребности в безопасности, в автономии и независимости, а также в проецировании на других своих психических проявлений. Потребности в творчестве, в любви, в самоактуализации и чувстве общности становятся менее значимыми [10].

В исследованиях О. Н. Молчановой показано, что, наряду с общим снижением ценности Я и его отдельных аспектов, с возрастом проявляется новая тенденция, названная автором психологическим витауктом. Психологический витаукт — это факторы стабилизации и компенсации Я-концепции в позднем возрасте. К ним относится высокая реальная самооценка по ряду параметров. Она проявляется в фиксации на позитивных чертах своего характера; в снижении идеальных и достижимых целей, а также в их сближении с реальной

самооценкой; в относительно высоком уровне самоотношения; в признании своей позиции удовлетворительной (даже если она не является такой); в ориентации на жизнь детей и внуков и др. [9].

В концепции Э. Эриксона старость — неотъемлемая часть жизненного пути, его логическое и психологическое завершение, однако он подчеркивает социально ценные черты этого возраста. Возможность успешного перехода в этот психологический возраст Э. Эриксон связывает с позитивным разрешением предыдущих возрастных кризисов. Сущность развития в данном возрасте состоит в достижении целостности личности (эгоинтеграции), которая основывается на подведении итогов своей прошлой жизни и осознании ее как единого целого, в котором ничего не следует менять. Социально ценная черта личности в старости — мудрость. Э. Эриксон определяет ее как состояние духа, как одновременный взгляд в прошлое, настоящее и будущее, освобождающий историю жизни от случайностей, что позволяет личности осознать связь и преемственность поколений.

Если же человек ощущает, что не достиг тех целей, к которым стремился, или не может свести свои поступки в единое целое, то возникает страх смерти, отчаяние от невозможности начать жизнь заново. Э. Эриксон настаивает на том, что разрешение финального кризиса требует углубленной внутренней работы, поисков, а не смирения и пассивности в принятии неизбежного конца [19].

Р. Пекк, развивая идеи Э. Эриксона, утверждал, что человеку в период старения необходимо решить ряд новых возрастных задач, чтобы полностью сложилось чувство целостности личности. Для этого ему следует сделать следующее:

- перейти к новому рассмотрению себя, своей уникальности через призму не только какой-либо одной роли (профессионала или родителя), но и других (общественник, защитник животных и др.);
- осознать факт ухудшения здоровья и старения тела, выработать необходимое «равнодушие» и терпимость. Успешное старение возможно, если человек приспособится к неизбежному физическому дискомфорту или найдет такое занятие, которое поможет ему отвлечься;
- преодолеть озабоченность перспективой близкой смерти, принять мысли о смерти без ужаса, продлить собственную жизненную линию благодаря участию в делах молодого поколения.

Под влиянием Э. Эриксона в концепции «непрерывного жизненного пути» старость трактуется как продолжение прежнего стиля жизни, где завершающий период жизни зависит от всех предшествующих [22].

В теоретической модели П. Балгеса развитие детерминировано сложным взаимодействием внешнего (социальная среда) и внутреннего (биологического) факторов, их синтезом, которые задают три направления развития жизни: нормативное возрастное, нормативное историческое и ненормативное.

Нормативное возрастное развитие связано с переходом от одного жизненного этапа к другому. В аспекте биологического развития — это, например, начало пубертата и менопаузы; в аспекте социального старения — выход на пенсию.

Нормативное историческое развитие зависит от тех глобальных социально-исторических событий, которые переживались целой возрастной группой, поколением (революция, война, Великая депрессия и др.).

Ненормативное жизненное развитие обусловлено влиянием событий, уникальных для жизни конкретного индивида.

Сила воздействия этих факторов различается в зависимости от возраста. В пожилом возрасте велико влияние на человека нормативных возрастных факторов и ненормативных личных событий, их накопленного эффекта [21].

В. И. Слободчиков и Г. А. Цукерман определяют норму психического развития в старости как указание на высшие возможности, на вершинные достижения данного возраста. Чем старше возраст, тем реже в реальной жизни встречаются индивиды, которые отвечают этим требованиям. Примерами нормы авторы считают лишь уникальные биографии людей, про которых говорят: «Человек на все времена!» В биографиях большинства людей обнаруживается множество примеров остановки, регресса, несоответствия нормативному развитию, соскальзывания на уровень обыденного функционирования [11].

Д. Б. Бромлей описывает пять основных жизненных позиций в позднем возрасте: конструктивное отношение человека к старости; зависимое отношение; защитное отношение; отношение враждебности к окружающим; отношение враждебности к самому себе и своей жизни. В типологии Ф. Гизе выделены три типа личности в старческом возрасте: старик-негативист, старик-экстраверт, старик-интроверт. И. С. Кон для выделения социально-психологических типов старости в качестве критерия использует такие формы деятельности, как общественно полезная, деятельность на благо семьи, деятельность по устройству индивидуальной жизни и др. Он обнаруживает психологически благополучные, позитивные и отрицательные типы старости.

Л. И. Анцыферова показала, что можно выделить два основных личностных типа пожилых людей, полагаясь на совокупность характеристик, среди которых — уровень активности, стратегии совладания с трудностями, отношение к миру и себе, удовлетворенность жизнью.

Пожилые люди первого типа мужественно переживают уход на пенсию, переключаются на занятие новым интересным делом, склонны устанавливать новые дружеские связи, сохраняют способность контролировать свое окружение. Все это ведет к переживанию ими чувства удовлетворенности жизнью и даже увеличивает ее продолжительность.

Пожилые люди второго типа характеризуются как пассивно относящиеся к жизни, испытывающие отчуждение со стороны окружающих. У них наблюдается сужение круга интересов, снижение показателей интеллекта по тестам, потеря уважения к себе, ощущение ненужности и личностной неадекватности [1].

Психологическое старение имеет внутренне противоречивый характер, что проявляется в качественном своеобразии и разнонаправленных тенденциях показателей общего интеллекта и специальных способностей.

В исследованиях времени простой реакции и реакции выбора показано увеличение вариативности в группах пожилых людей по сравнению с группами молодых испытуемых [25]. Самая быстрая реакция у молодых и пожилых людей была одной и той же. Однако число таких реакций у пожилых людей было значительно меньше. Отсюда следует снижение средних показателей для группы пожилых людей. Большая часть возрастных различий во времени реакции выбора исчезает, если человеку разрешается потренироваться в течение нескольких дней, благодаря чему действие автоматизируется. Показано, что автоматические процессы практически не подвергаются влиянию старения [24].

Нарушения памяти в пожилом возрасте также имеют неоднозначный характер. Наряду с незначительным возрастным снижением кратковременной памяти регистрируются довольно значительные изменения в долговременной памяти, связанные с ухудшением обработки информации [20]. Запоминание последовательности слов в возрастной группе от 50 до 85 лет показывает, что значительное снижение функции памяти характерно для начального этапа старения (от 50 до 65 лет). Пожилые люди в возрасте от 65 до 75 лет обнаруживают лучшие показатели памяти, приближающиеся к уровню среднего возраста [3]. На разных возрастных этапах, характеризующихся снижением памяти, пожилые люди выбирают разные стратегии компенсации мнестической способности. В группе от 51 до 60 лет у испытуемых преобладает установка на точность воспроизведения, лица старше 81 года

стремятся путем проговаривания устанавливать связь между элементами словесного ряда и логически структурировать материал.

Пожилые люди практически не обнаруживают ухудшения в отношении заданий на концентрацию внимания [26]. Концентрация внимания измерялась путем предъявления непрерывного ряда букв на экране компьютера. От испытуемого требовалось отвечать каждый раз, когда появлялась определенная буква. При исследовании избирательного и распределенного внимания у пожилых людей обнаружилось выраженное снижение этих показателей. Возрастные различия усиливались по мере усложнения задания, если требовалось распределять внимание между двумя и более стимулами. При выполнении простых заданий различия практически не обнаруживались. При усложнении задания пожилые испытуемые оказывались в худшем положении.

С возрастом снижается число правильных ответов в тестах на интеллект, но относительное положение человека среди людей своего возраста по показателям IQ остается практически неизменным [12].

Существенной характеристикой познавательных способностей признаются индивидуальные способы переработки информации, получившие название когнитивных стилей. Наиболее известными примерами когнитивных стилей могут служить полезависимость/полenezависимость, импульсивность/рефлексивность, ригидность/гибкость познавательного контроля. «Полenezависимые» испытуемые легко преодолевают влияние видимого поля и быстро находят деталь в сложном изображении. Обнаружена связь этого стилевого параметра с лучшей обучаемостью, лучшим выполнением сложных интеллектуальных действий (например, работа с текстом). В то же время люди с полезависимым когнитивным стилем характеризуются более выраженными межличностными способностями [27].

В интересных экспериментах М. А. Холодной полезависимость измерялась по времени поиска простой фигуры (эталоны) в сложной с помощью методик Г. Уиткина «Включенные фигуры» и «Фигуры Готтшальда». Ригидность фиксировалась на основе анализа трудностей перехода от вербальных функций к перцептивным.

К примеру, испытуемые должны были быстро называть цвет чернил, которыми написаны названия цветов (слово «красный» написано желтыми чернилами). Отмечено существенное снижение показателей полenezависимости и гибкости в группе пожилых людей 60—75 лет, что свидетельствует о нарастании регрессивных тенденций в стилевом поведении. Однако показатели рефлексивности, по данным этого исследования, улучшаются, так как уменьшается число ошибок при сравнении фигуры с эталоном и увеличивается время появления первого ответа. Обобщая результаты, полученные в исследовании, М. А. Холодная пишет: «В пожилом возрасте наблюдается единство двух линий развития стилевого поведения: регрессивная (в виде роста полenezависимости и ригидности) и прогрессивная (в виде тенденции роста рефлексивности и сохранности способности к категориальному обобщению)» [16].

Экспериментальные данные и теоретические размышления многих авторов еще больше заостряют вопросы о том, каковы же механизмы функционирования психики в пожилом возрасте; в чем состоят нормативные и индивидуальные особенности старения, происходит ли развитие психики в этом возрасте.

До сих пор нет единства мнений относительно понятия «онтогенез» и возможности его использования для пожилого возраста. Как известно, термин «онтогенез» был предложен Э. Геккелем в 1866 г. применительно к периоду эмбриогенеза. Среди представителей естественных наук уже довольно давно утвердилось представление об онтогенезе как индивидуальном развитии организма от момента его зачатия до смерти. Однако геронтолог В. Фролькис на основании концепции витаукта предложил новую возрастную классификацию, где онтогенез относится лишь к периоду от рождения до окончания полового созревания.

В психологии до сих пор одни авторы считают, что онтогенез — это период, который начинается после рождения и продолжается до конца жизни. Другие — рассматривают его как процесс становления и формирования личности (индивидуальной психики, индивидуального сознания), включающий только периоды детского и юношеского развития. Разногласия в решении этого вопроса возникают из-за неопределенности в понимании развития и его критериев.

По мнению Н. К. Корсаковой, если рассматривать онтогенез как появление в психике, то можно говорить о позднем возрасте как о стадии онтогенеза. Теоретические представления и экспериментальные исследования фиксируют изменения психики в пожилом возрасте, но остается неясным, возникает ли при этом то, чего не было раньше, в других возрастах, — новое качество, которое свойственно только этому возрасту. Многими авторами отмечается упоминавшаяся выше возрастающая в пожилом возрасте вариативность психологических показателей. По меткому замечанию Я. Стюарт-Гамильтона, высказывание «типичный молодой человек» понятно, а «типичный пожилой человек» практически не имеет смысла. И если в биологическом отношении, несмотря на компенсаторные механизмы и процессы антистарения, нарастают инволюционные изменения, то в психологической сфере могут встречаться различные варианты как прогрессивного, так и регрессивного развития. По-видимому, поиски нового должны затрагивать не только сферу когнитивных и личностных особенностей в пожилом возрасте. В любом возрасте человек накапливает опыт, приходит к пониманию того, что раньше для него было недоступно, в любом возрасте происходят драматические и неожиданные изменения. Однако это не означает неизбежное и унифицированное изменение личности на протяжении жизни. По словам М. Коула, развитие имеет общие черты во всех возрастах, но оно всегда есть процесс становления [23].

Литература

1. Анцыферова Л. И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6.
2. Давыдовский И. В. Геронтология. М., 1966.
3. Корсакова Н. К., Балашова Е. Ю. Опосредование как компонент саморегуляции психической деятельности в позднем возрасте // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 1995.
4. Корсакова Н. К. Нейропсихология позднего возраста: обоснование концепции и прикладные аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 1996. № 2.
5. Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000.
6. Краснова О. В. Адаптация пожилых людей к современной социальной ситуации в России: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.
7. Краснова О.В Социальная психология старения как основная составляющая социальной геронтологии // Мир психологии. 1999. № 2.
8. Марцинковская Т. Д. Особенности психического развития в позднем возрасте// Психология зрелости и старения. 1999. № 3.
9. Молчанова О. Н. Специфика Я-концепции в позднем возрасте и проблема психологического витаукта // Мир психологии. 1999. № 2.
10. Рощак К. Психологические особенности личности в пожилом возрасте // Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
11. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. № 5.

12. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб., 2002.
13. Фролькис В. В. Физиологические механизмы старения // Физиологические механизмы старения. Л., 1982.
14. Фролькис В. В. Старение и увеличение продолжительности жизни. Л., 1988.
15. Фролькис В. В. Старение: воспоминание о будущем // Лечение и диагностика. 1998. № 1.
16. Холодная М. А. Когнитивные стили. М., 2002.
17. Хрисанфова Е. Н. Основы геронтологии. М., 1999.
18. Шахматов Н. Ф. Психическое старение. М., 1996.
19. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.
20. Albert M. S. Cognitive Function // Albert M. S., Moss M. B. (eds). Geriatric Neuropsychology. N.Y., 1988.
21. Baltes P. B., Baltes M. M. Successful Aging: Perspectives from the Behavioral Sciences. Cambridge, 1990.
22. Baltes P. B. and al. Life-span Developmental Psychology. Wadsworth, Belmont, CA, 1977.
23. Cole M., Cole Sh. The Development of Children. N.Y., 1989.
24. Hasher L., Zacks R. T. Automatic and effortful processes in memory // Journal of Experimental Psychology: General. 1979. Vol.108.
25. Rabbit P. Does it all go together when it goes? // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1993. Vol. 46A.
26. Salthouse T. Adult Cognition. N.Y., 1982.
27. Witkin H. A., Goodenough D. R. Field dependence and interpersonal behavior // Psychol. Bulletin. 1977. Vol.84.